

ский читатель найдет (sic!) разбор известных ему книг Ростовцева, Сайма, Тейлор, получивших уже соответствующую оценку в нашей печати» (там же, стр. 118). Да, конечно, эти книги, в особенности книга белоэмигранта Ростовцева, подверглись суровой и справедливой критике советских историков. Но зачем же тогда, как это делает проф. Тарков, отсылать советского читателя к рецензиям в журнале *Historia*? Недопустимость подобных действий проф. Таркова становится ясной, если учесть, что рецензия на книгу Ростовцева написана немецким фашистским историком Фогтом и представляет собой панегирик работы Ростовцева, причем по вполне понятным причинам Фогт с особым удовлетворением отмечает антимарксистскую направленность книги Ростовцева. Что же, с позволения сказать, может «найти» для себя советский читатель в этих рецензиях, к которым отсылает его проф. Тарков, кроме враждебных выпадов и злостной фальсификации истории?

Рецензия проф. Таркова не вооружает советского читателя для борьбы с растлепной буржуазной идеологией, но способна лишь его дезориентировать и поэтому является вредной.

А. Кац

H. BENGTSON, Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die Römische Kaiserzeit, München, 1950, XVI+592 стр., 12 карт.

В серии «Handbuch der Altertumswissenschaft», основанной И. фон Мюллером и продолженной В. Отто, вышел том, посвященный истории древней Греции. Этот том написан мюнхенским историком Г. Бенгтсоном. Его работа должна по замыслу представлять справочное издание, отражающее современное состояние науки по данному вопросу, и предназначена заменить вышедшую в той же серии в 1914 г. известную имеющуюся и в русском переводе книгу Р. Пельмана.

Книга Бенгтсона значительно расширена в сравнении с работой Пельмана; это расширение коснулось прежде всего древнейшей Греции, по истории которой накоплен теперь новый обширный материал. Значительно — почти в два раза — увеличен раздел, посвященный эллинизму; наконец, введен новый раздел, освещающий историю греческого мира в составе Римской империи. Что же касается истории Греции в период становления полиса — автор называет этот период эпохой великой колонизации — и его расцвета, — то раздел этот несколько сокращен. Таким образом, эпоха классической Греции, которая занимала центральное место в пособии 1914 г., теперь отошла на второй план: основное внимание современного буржуазного ученого привлекает период поглощения полиса большими централизованными монархиями.

Конечно, это обстоятельство в известной степени может быть объяснено субъективными интересами автора и расширением круга источников по истории эллинизма в связи с новыми публикациями папирологического материала; но одним этим, мне думается, нельзя объяснить то увеличение интереса к истории эллинизма и Римской империи, которое мы наблюдаем в современной буржуазной науке и которое отражено также и в рецензируемой книге. Буржуазная историография, начавшая с идеализации греческого демократического полиса, уже в конце прошлого столетия пришла к его критике и, чем дальше, тем в большей степени выдвигает в качестве образца крупные монархии античности. Мы увидим, как эта тенденция отразилась и в концепции Бенгтсона.

Изредка автор делает довольно интересные наблюдения по поводу отдельных моментов; он обращает внимание на своеобразие исторической географии Балканского полуострова, отмечая, что все относительно крупные греческие государства (Фессалия, Аттика, Арголида, Спарта) сложились на востоке Греции (стр. 73). Бенгтсон, правда, ограничивается только констатацией этого факта и не дает ему объяснения; во всяком случае это обстоятельство показывает, что невозможно выводить характер древнегреческих городов-государств из одних только орографических условий, как это нередко делается: определенные хозяйственные и социальные

условия в районах, близких к Эгейскому морю, уже в раннее время содействовали преодолению тех естественных преград, которые разделяли греков.

Интересны отдельные замечания по греческой тактике в период греко-персидских войн. Бенгтсон правильно объясняет Марафонскую победу греков превосходством их вооружения и боевой тактики (стр. 151, что, впрочем, не мешает ему для объяснения побед при Саламине и Эвримедонте вводить «иррациональный» момент, так как он полагает, что персы превосходили греков на море). Он подчеркивает, что гибель Леонида и его войск при Фермопилах явилась результатом не безрассудного героизма, но военного расчета: Фермопилы необходимо было удержать до тех пор, покада греческий флот не минует благополучно наиболее узкую часть Эврипа, господствуя над которой персы могли бы уничтожить греческие корабли (стр. 157 сл.). Удачно формулирует автор значение «царского» мира 387 г. (стр. 252), хорошо рисует он постепенное превращение Демосфена из сторонника Эвбула в ярого противника македонян (стр. 293).¹

И все же, несмотря на отдельные удачные наблюдения и формулировки, рецензируемая работа не может служить полноценным справочным пособием по историографии древней Греции, даже в буржуазной науке. Недостатки книги проявляются прежде всего в ее неполноте, особенно очевидной в «крайних частях» — в главе, посвященной древнейшей истории Греции, и в последней главе — о греческом мире под римским владычеством. В рецензируемой работе совершенно не нашел себе места первобытно-общинный строй на территории Греции; даже историю Крита автор начинает только с РМ III (стр. 32), опуская тем самым не только эпоху неолита, но и халколит². Автор оказывается совершенно беспомощным при попытке обобщить материал археологических раскопок и охарактеризовать общественный и политический строй древнего Крита; взамен этого он прибегает к абсолютно бессодержательным заявлениям, как например: «суровой борьбы за существование этот мир явно не знал; все было здесь утонченным и служило изысканному наслаждению»³ (стр. 36). Даже характеристика гомеровского периода дана крайне бегло и при этом сумбурно: если, например, на стр. 53 Бенгтсон рассматривает басилевса как «выборного герцога» (т. е. как племенного вождя), то на стр. 59 сл. он говорит о «царстве» (*Königtum*), о царской власти и т. п. В этом разделе автор не старается дать характеристику общественного и политического строя гомеровского общества, предпочитая рассуждать (без какой-либо опоры на источники) о влиянии колонизации Малой Азии на создание полисного строя (стр. 54), о создании алфавита в результате деятельности одного человека (стр. 56) и т. п.

Так же бегло и поверхностно написана последняя часть, которая содержит в основном перечисление наиболее известных римских императоров с замечаниями относительно их политики в греческом вопросе. Автор не поднимается выше простой фактографии, не делая никаких попыток выяснить то особое место, которое занимали в Римской империи восточные эллинизированные провинции, сумевшие в дальнейшем выдержать и кризис IV—V вв., и первый натиск варваров. Столь же мало занят он и рассмотрением специфики провинции Ахайи. Сложный вопрос о раннем христианстве, складывающемся как раз в восточных областях империи, автор, по существу, обходит, отсылая читателя к эклектичной и некритической книге Фогта⁴. Зато здесь мы найдем

¹ В ряде случаев автор стремится обязательно дать новую трактовку какой-нибудь мелочи, сплошь да рядом неоправданную. Вряд ли стоит датировать законы Драконта (если он вообще существовал) около 624 г. вместо традиционного около 620 г. Не следует писать «Антиалкид» вместо «Анталкид» (стр. 249, 251) и т. д.

² Несколько бессодержательных фраз о неолите см. на стр. 27 сл.

³ Теперь — особенно после попыток дешифровки критского письма (См. Вл. Гергиев, История Эгейского мира во II тыс. до н. э., ВДИ, 1950, № 4) — в советской исторической науке твердо установилось воззрение на критское общество как на рабовладельческое, хотя и с примитивными формами рабовладения.

⁴ J. Vogt, Konstantin der Grosse und sein Jahrhundert, Münch., 1949.

рассуждения о греческом духе, побеждающем Запад и теряющем (?) Восток (стр. 490). Даже в центральных частях книги мы находим изрядное число «белых пятен». Почти нигде автор не уделяет внимания хозяйственному строю — за исключением только эллинистической эпохи (стр. 422 слл.). Бегло касаясь хозяйственной жизни Греции, автор допускает противоречивые характеристики экономических явлений. Так, на стр. 96 он подчеркивает примитивность и аграрный характер греческого хозяйства, сохранившиеся вплоть до IV в. до н. э., и указывает, что чеканка монеты в VII в. не изменила этого аграрного строя. Несколькими страницами ниже он дает совершенно иное определение. «Постепенное распространение монеты в греческих государствах, — пишет он, — означало важное изменение (eine bemerkenswerte Umstellung) в господствовавшем до тех пор аграрном хозяйстве» (стр. 110).

Бенгтсон постоянно модернизирует историю древней Греции, прибегая, в частности, к термину «феодализм» для характеристики тех или иных явлений в жизни античного общества. Феодализм он находит в Анатолии и Лидии (стр. 66 сл.), в царстве Ахеменидов (стр. 121), в Македонии, которая определяется как «типично феодальное государство» (стр. 286) и т. д. Автор совершенно не понимает роли рабства в древней Греции, уступая в этом отношении даже таким буржуазным историкам, как В. Тарн.

Из поля зрения автора выпали важные разделы греческой истории. Крайне бегло рассмотрена история греческих городов Северного Причерноморья (стр. 88 сл.) по причинам, о которых мы будем говорить дальше. Автор почти совершенно не уделяет внимания внутренней истории Греции в III—II вв. до н. э.: о реформе Агиса IV он говорит лишь несколько невнятных слов (стр. 388), столь же мимоходом он упоминает и о реформаторской деятельности Клеомена III (стр. 394), а о социальной политике наиболее энергичного политического деятеля Спарты этого времени, Набиса, сказано только два слова (стр. 452). Этолийский и Ахейский союзы лишь упомянуты (стр. 387); мы не найдем в книге характеристики их политического строя и, в частности, антидемократических тенденций Ахейского союза при стратегах Арате; ничего нет и о положении Беотии в III в. до н. э., о политической борьбе в этой области, хотя этот вопрос освещается даже в новой буржуазной литературе¹. В этом отношении рецензируемая книга во многом уступает старым работам, например, «Греческой истории» К. Ю. Белоха.

В общем пособии, носящем справочный характер, особенно важно иметь хорошо подобранную библиографию. Однако библиографические справки Бенгтсона, хотя и обильны, далеко не исчерпывающи и носят односторонний характер. Автор совершенно пренебрегает работами на русском языке, игнорирует достижения советских историков и археологов. Именно в силу незнакомства с русской литературой Бенгтсон не сумел осветить историю греческих городов Северного Причерноморья. Не знает он и работ болгарских ученых (Х. Данова, Вл. Георгиева и других), осветивших в своих трудах ряд вопросов греческой истории и, в первую очередь, вопросы истории Фракии в ее взаимоотношениях с греками. Бенгтсон пренебрегает также работами прогрессивных западных историков, например, Дж. Томсона². Библиография содержит по преимуществу работы немецких историков и в первую очередь фашистских историков, расистов и апологетов Спарты, как Ф. Шахермайр или Г. Берве.

Для того, чтобы показать, насколько неполными являются библиографические заметки рецензируемой книги, остановимся на одном разделе, трактующем историю Афин при Перикле. В этом разделе автор не только не указывает работ В. Бузескула и других работ на русском языке, но даже ряда книг на английском, французском и итальянском языках³.

¹ См., например, M. F e u e l, Polybe et l'histoire de Béotie au III-e siècle avant notre ère, P., 1942, стр. 279 слл.

² G. T h o m s o n, Studies in Ancient Greek Society, Lond., 1949.

³ Например, M. D e l c o u r t, Periclès, P., 1939; G. W. B o t s f o r d, The development of the Athenian constitution, Boston, 1893; R. I. B o n n e r, Aspects of Athenian democracy, Berkeley, 1933; Нет также многих статей W. S. F e r g u s o n, B. D. M e r r i t t и др.

Такую же неполноту можно указать и в других разделах. Она не является случайной, но отражает определенную тенденцию — показать, что история древней Греции создана немецкими учеными. Эта тенденция, заимствованная от фашистских историков, с особенной отчетливостью проступает в историографическом обзоре. В этом обзоре каждый немецкий ученый награждается каким-нибудь лестным эпитетом: И. Винкельман открыл новую эру, сочинение Ф. Вольфа — крупнейший труд конца XVIII столетия (стр. 2), А. Бёк впервые выступил с целительной реакцией против идеализации классицизма (стр. 2 сл.); И. Г. Дройзен и Г. Шлиман прямо названы гениальными (стр. 6). Не меньших похвал удостоены К. О. Мюллер (стр. 3 сл.), Э. Курциус (стр. 5), Эд. Мейер (стр. 7 сл.), У. Вилькен (стр. 9), У. фон Виламовиц-Меллендорф (стр. 10), Г. Берве (стр. 11 сл.) и даже Г. Бузольт, хотя у него и нет «собственного мнения» (стр. 9). Совершенно по-другому автор пишет об иностранных, в частности английских историках, в произведениях которых он усматривает прежде всего политическую тенденциозность — как будто бы ее не было у их немецких современников (стр. 4 сл.). О таких ученых, как Валлон, Дюрюи, Фриман, автор не упоминает вовсе; лишь мимоходом названы Кенион, Эванс, де Санктис, Тарн, Франк. Русская и советская историографии как будто и не существуют вовсе.

Таким образом, мы находим в книге не только пренебрежение русской историографией, обычное в современной западноевропейской буржуазной науке, но и явный национализм, выразившийся как в подборе литературы в библиографических ссылках, так и особенно в историографическом очерке.

Хотя работа Бенгтсона предназначена для того, чтобы служить справочным пособием (как мы видели, она никак не может играть эту роль), она пронизана определенной концепцией, к разбору которой мы теперь и переходим. В основе концепции автора лежит представление о саморазвитии государственных форм, постепенно эволюционирующих и переходящих одна в другую. На смену древнейшему «крестьянскому быту» индогерманцев, которых он считает создателями греческой цивилизации (стр. 26 сл.), приходит в процессе колонизации Малой Азии новая политическая форма — полис (стр. 53). Определение полиса, которое дает автор, носит чисто внешний, формальный характер: по его мнению, полис характеризуется наличием стен и сосредоточенностью общественной жизни на узком пространстве (стр. 54). Именно в этом обстоятельстве видит Бенгтсон причины глубокой интенсивности и напряженности политической жизни, что составляло характерную черту древней Греции (стр. 136). В то же время полис имеет и отрицательные черты: жителям полиса присуща узость горизонта, внутренняя замкнутость и отчужденность от других общин и, — что кажется автору первостепенным, — непонимание необходимости широких связей в качестве предпосылок политической экспансии (стр. 54). В этих отрицательных чертах греческого полиса Бенгтсон видит основную причину его вырождения.

Полис эволюционирует, проходя определенные стадии: первоначально аристократический, он превращается затем в тимократическое государство гоплитов и далее — в демократическое государство (стр. 96). Этот этап Бенгтсон рассматривает как начало гибели полиса: демократия, полагает он, открывала дорогу демагогам (стр. 170), системе подачек и коррупции (стр. 190); демагоги, и в первую очередь Клеон, оказались могильщиками полиса (стр. 213).

Полис уступает место «территориальному государству» (Flächenstaat); это «территориальное государство» зарождается прежде всего в Сицилии (стр. 167 и особенно стр. 268). В материковой Греции тенденции к созданию «территориального государства» приводят к образованию союзного государства (стр. 274). На базе эллинского союза, македонской монархии и азиатского царства создается в конце концов монархия Александра (стр. 336), которую автор называет абсолютной монархией (стр. 340), предтечей западных монархий (стр. 407)¹. И, наконец, высшим моментом в развитии средиземноморской государственности оказывается римское единодержавие (стр. 490).

¹ В другом месте он определяет империю Александра как воплощение космополитических тенденций кинической философии и как слияние македонского военного

«Территориальное государство» — абсолютная монархия рассматривается автором как более прогрессивная политическая форма, которая сама собой, в силу саморазвития приходит на смену полису; Бенгтсон с симпатией относится к таким политическим деятелям, как Дионисий Сиракузский, Исократ, Филипп и особенно Александр, которые выступают в его изображении как создатели новой политической формы — абсолютной монархии. Если историки начала XIX в. видели в демократии важнейшее достижение античности, то Бенгтсон, следуя за Ю. Шварцем и К. Ю. Белохом, видит важнейшее достижение античного мира в создании абсолютной монархии.

Итак, история Греции рассматривается автором, по существу, как история саморазвивающихся политических форм, как история эволюции полиса и его превращения в «территориальное государство». Это приводит автора к ряду противоречий. Во-первых, Бенгтсон не может дать четкого определения того момента, к которому относится конец полиса. Он относит конец эллинского общинного государства (*Gemeindestaat*), строящегося на принципе добровольности повинностей, ко времени Северов (стр. 519), а «окончательный конец» — к правлению Диоклетиана (стр. 523 сл.). Но в то же время уже образование «территориального государства» должно было неминуемо означать конец полиса, и в соответствии с этим автор в другом месте говорит, что уже в III в. до н. э. «время полиса миновало» (стр. 427). Разрешение этого противоречия автор ищет в тезисе о том, что греческие полисы не входили в состав эллинистической монархии (стр. 414), что они, следовательно, как бы существовали самостоятельно и в то же время вливались в «территориальные государства». Такое противоречие в концепции Бенгтсона объясняется именно формально юридическим подходом к материалу, подмной истории общества историей «саморазвивающихся» государственных форм.

Во-вторых, рисуя единообразное развитие греческих полисов (что вытекает из тезиса о их саморазвитии), автор постоянно совершает насилие над историческими фактами. Так, он, следуя за Г. Берве, рассматривает Спарту как демократическое государство. Указывая, что демократизация была связана с военными реформами, а именно с переходом к фаланге гоплитов, он подчеркивает при этом, что Спарта первая применила новую тактику (стр. 99 сл.). Далее он прямо рассматривает принятие «ликурговой» ретры как усиление роли «демоса», подчеркивая, что апелла становится регулярно действующим органом (стр. 105 сл.).

Но если действительно Спарта и все другие греческие государства пошли по пути, охарактеризованному Г. Бенгтсоном как путь от аристократического государства к демократическому, как же могло получиться, что к началу V в. до н. э. Афины оказались «чужеродным телом среди аристократически управляемых общин-государств Греции» (стр. 134. Разрядка моя. — А. К.)? Следовательно, и здесь автор приходит в противоречие с самим собой, изображая этот путь как всеобщий.

С представлением об истории общества как об эволюции саморазвивающихся государственных форм связано стремление отказаться от изображения политической борьбы, от анализа политических группировок. Автор пренебрегает, как мы уже говорили, историей политической борьбы в Греции в III в. до н. э.; он не может правильно оценить и борьбу партий в Афинах в период греко-персидских войн: наивно, случайными причинами объясняет он, например, переход власти в Афинах от Фемистокла к Ксантиппу и Аристиду (стр. 162), не видя тех социальных групп, которые стояли за этими политическими деятелями, и отбрасывая, в частности, объяснение этих событий, даваемое «Афинской политией» Аристотеля (гл. 23). Нет в книге и попытки разобраться в сложной политической борьбе периода Пелопоннесской войны. Политические деятели выступают не как представители тех или иных социальных групп, но как выразители определенной идеи: так рисует он Солона, Клеона, Александра и др.

С другой стороны, «освобождая» историю от политической борьбы, от борьбы социальных группировок, Бенгтсон выдвигает на первый план — в духе фашистской историографии — противоречие между личностью и государством. Действительно,

царства (*Heerkönigtum*) и монархии Ахеменидов с ее восточными традициями (стр. 407). Для эллинского «союзного государства» в этой схеме уже не нашлось места.

коль скоро государство изображается в качестве самостоятельной силы, независимой от каких-либо общественных группировок, противоречия в обществе могут быть представлены в виде мнимых противоречий между индивидуумом и государством. Так и поступает Бенгтсон, когда рисует раннюю тиранию не как результат определенных социальных сил, но как «проникновение индивидуума в область политики» (стр. 102), когда судьбу Павсания и Фемистокла он рассматривает как триумф государства над «великой индивидуальностью» (стр. 181), а реформы Эфиальта расценивает как направленные против «свободной, самостоятельной личности» (стр. 184). Эллинизм, в его изображении, знаменует освобождение личности, находящей отныне себе простор за узкими рамками полиса, на обширных территориях Африки и Азии (стр. 407).

Итак, суть концепции Бенгтсона — вульгарное, формально-юридическое представление о саморазвитии государственных форм. Это представление заставляет его пренебрегать историей политической борьбы и абсолютизировать государство как надклассовую категорию; при этом симпатии Бенгтсона, полностью в духе фашистской историографии, на стороне абсолютной монархии.

Как всякая эклектическая концепция, и концепция Бенгтсона не сводится к одному принципу: автор выдвигает еще ряд моментов, которые должны объяснить развитие греческой истории, но также далеки от подлинного объяснения. Таков, например, модный в буржуазной исторической науке принцип роста народонаселения (стр. 76 и особенно 83), в котором Бенгтсон ищет объяснение причин греческой колонизации VIII—VI вв. Эта точка зрения была уже подвергнута убедительной критике в работах советских ученых, и на ней нет необходимости заново останавливаться.

Бенгтсон придает большое значение войне и завоеваниям, как прогрессивной творческой силе, так, возникновение полиса он объясняет именно тем, что греки смогли осознать себя только в противоположности к чужим народам на захваченных ими территориях (стр. 53). Военные преобразования рассматриваются как двигатель политического развития (стр. 96) и т. д. То же самое можно сказать и о религии, которую автор считает активной силой, преобразующей общество (стр. 61 сл., 78).

Бенгтсон выдвигает фашистскую теорию нордической расы, энергичная деятельность которой противопоставляется «усыпляющему влиянию древневосточных культур» (стр. 315). Греков он объявляет индогерманцами, представителями северных народов. Впрочем, он, разумеется, ничего не может сказать об этих индогерманцах и даже вынужден признать, что «вторжение» индогерманцев в Грецию не оставило следов в материальной культуре (стр. 37). Персы также рассматриваются прежде всего как индогерманцы; именно к их индогерманскому прошлому автор относит их «высокие этические принципы», которых не понимали греки: вассальную верность и т. п. (стр. 124). Все же пороки персидского общества автор выводит из традиций древнего Востока (стр. 315). Между прочим, это приводит его к противоречивому объяснению характера греко-персидских войн: с одной стороны, он заявляет, что их нельзя рассматривать как результат противоположности между свободой и рабством (стр. 124), с другой — трактует их как борьбу греков за свободу (стр. 160 и особенно 166).

Вся концепция Бенгтсона пропитана откровенным идеализмом, подчеркиванием роли «духа», самостоятельности его развития (см. например, стр. 490 сл.), настойчивым внушением тезиса о том, что духовное развитие и идейный подъем не связаны с ростом материального производства (стр. 55 и 202). Все это позволяет нам рассматривать концепцию Бенгтсона как вульгарно-эклектическую и идеалистическую.

Рецензируемая книга свидетельствует о глубоком упадке исторической науки в Западной Германии, о возрождении националистических тенденций в историографии, о возрождении фашистских концепций с их культом войны и индогерманской расы, с их фальсификацией исторического процесса, когда на место общественных противоречий выдвигают противоречие между индивидуумом и государством, превращенным в какую-то надклассовую, иррациональную силу. Рецензируемая книга не является также и справочником, ибо она не отражает современного состояния данной отрасли науки даже в буржуазной историографии.

А. Каждан